

А.Д. КАРНЫШЕВ

доктор психологических наук,
профессор, зав. каф.
социальной и экономической психологии БГУЭП
г. Иркутск

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ИСТОКИ ПРИРОДНОЙ САКРАЛЬНОСТИ НАРОДОВ БАЙКАЛЬСКОЙ СИБИРИ

A.D.KADISHEV

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL AND ECONOMIC SOURCES OF NATURAL SACRALITY OF THE PEOPLE OF THE BAIKAL SIBERIA

Аннотация. На примере сибирских народов рассматриваются некоторые религиозные традиции, обряды, обычаи, в основе которых лежит поклонение силам природы. В большинстве ритуалов наблюдаются также психогенетические и хозяйственные аспекты, иллюстрирующие особенности быта и целостность бытия древних этнических групп.

Ключевые слова: религиозные культы, обрядовые места, священные атрибуты народов Сибири, фетиши, социально-психологические ритуалы.

Summary. On an example of the Siberian people some religious traditions, ceremonies, customs at the heart of which worship forces of nature lies are considered. In the majority of rituals also psychogenetic and economic aspects illustrating features of a life and integrity of life of ancient ethnic groups are observed.

Keywords: religious cults, ceremonial places, sacred attributes of the people of Siberia, fetishes, social and psychological rituals.

В последнее время в связи с усилением внимания к национальной политике все больше рассматриваются проблемы малых народов России, вопросы их самобытности и сотрудничества. Особо выделяются регионы, где уже в течение веков разные этносы вступают в постоянные контакты. К таковым уверенно можно отнести Байкальский регион – значительную часть Восточной Сибири. Здесь неоднократно переплетались судьбы монгольских, тюрских, тунгусских и других этнических сообществ. О взаимодействии древних народов говорит, к примеру, наличие на территориях, где они проживают, различных каменных сооружений – городищ, стен и т.п., весьма схожих друг с другом. Археологи, именуя их памятниками, уточняют название в зависимости от современных слов в абори-

генных языках. В описываемом нами регионе самыми известными являются памятники в Бурятии, Хакасии и в северо-западной части Байкала. Они носят названия в Хакасии све («све» с хакасского – крепость) и сэбэ, что у монголоязычных народов также означает «крепость». Расположены такие сооружения зачастую в пограничных природных зонах – между степями и горными и (или) лесными областями. Так, вблизи Байкала они, в основном, расположены в Тажеранской степи и на острове Ольхон, в Бурятии – в некоторых местах вблизи долины Селенги, в Хакасии – в Минусинской котловине.

Большинством ученых каменные строения определялись как сооружения для защиты от нападения других племен. Но современные сибирские исследователи

далеко не во всем соглашаются со своими предшественниками. Некоторые из них (в частности, А.Харинский) считают, что такие «крепости» по своему обустройству часто не соответствовали своему назначению и не могли подолгу «спасать» людей. Во-первых, в большинстве случаев расположены огражденные территории далеко от источников воды: длительной осады кочевники без питья не выдержат. Кроме того, стены, хоть и достаточно толстые – 1,5-3 метра, не очень высоки – в среднем 2,5 метра, поэтому едва ли защитят от набегов. Не нашли археологи и артефактов, свидетельствующих, что были организованы на этих площадках, особенно в горах, полноценные поселения, которые соответствовали бы статусу «городищ». Есть предположение, с обоснованностью которого трудно не согласиться, что древние племена использовали эти территории для проведения ритуальных обрядов, посвященных силам природы. В первую очередь – верховному божеству Тенгери, символизирующему небо. В знак преклонения перед ним весь род собирался и проводил ритуал жертвоприношения у костра.

Культ Вечного Синего Неба есть и у многих современных азиатских народов, и его своими камланиями выражают шаманы. По-видимому, и культ, и обряды нисходят к общей генетической и исторической памяти народов. Причем лексема в ряде азиатских языков имеет специфические смыслы. Например, у тюрков и монголов «тенгри», тэнгэр – небо, бур. тэнгэри – «небо», якутское «тангара» – небо, бог, эвенкийское «тангара» – бог. Но, что интересно, имеется звуковая близость и смысловые различия практически в тех же языках: древне-тюркское: tengiz – море, монг. тэнгэс – море, большое озеро, эвенкийское тонгеер, тунгеер – озеро, озерный. Что объединяло и объединяет эти разные по сути понятия в глазах людей, чтобы они получили близкое созвучие. Во-первых, по-видимому, бросающийся в глаза цвет – голубой и синий, сопровождающий человека повседневно в течение всей жизни. Причем синева неба на больших водоемах на горизонте сливалась с синевой воды. Во-вторых, небо давало воду, которая скапливалась в озерах или ручьях, и во всех своих видах давала жизнь всему живому. В-третьих, глубинная суть и «бытие» воды и неба были недоступны человеку и еще больше вызывали трепет, волнение, боязнь и даже страх своей недостижимостью и непознаваемостью. Скорее всего именно по этим причинам божество Тэнгэри было всесильным и всепроникающим и отождествлялось с природой в целом, а шире – со всей Вселенной. Отсюда и почитание древними азиатами высоких гор: они приближали к местам, где небо было

рядом, вода «рождалась» прямо на глазах, и до божеств было как никогда близко (к тому же горы в дальней туманной дымке также выделялись синевой неба и воды). Отсюда же, по-видимому, почитание птиц, парящих на недостижимой человеку высоте – орлов, беркутов: они плоть от плоти неба и могут постоянно и запросто общаться с божествами.

Небо, вода, горы, птицы – все это по сути отождествляло вечную природу в разных ее ипостасях. В психологическом плане их единение позволяло человеку жить в гармонии с внутренней энергией человека, где более всего чувствовалась согласованность и соответствие человека и природы. Это именно то, что в восточной философии исконно называлось гармонией между макрокосмом и микрокосмом, а в психологическом плане может быть выражено словами созвучие (соответствие) осознанного и бессознательного.

Поскольку, как известно, разные племена и роды древних народов находили для себя конкретные гармонирующие ландшафты в степи, лесостепи, у гор и водоемов, в тайге и т.д., их стремление к сотрудничеству и необходимость в нем приводили к тому, что места для «встреч», совместных ритуалов в честь Вечного Синего Неба и его божеств осуществлялись на пограничных, сообразных гармоничным запросам разных родов, местностях. Места таких поклонений (камланий – по шаманской терминологии) становились «общими» и поэтому в звуковом оформлении получали близкие варианты. Об этом, к примеру, говорят названия сакральных мест «обоо» на разных языках сибирских и азиатских аборигенов (см. дальше). Многие из них имели и «хозяйственный» аспект, поскольку, как мы уже говорили, бытие на природе невозможно осуществлять и рассматривать вне его целостности.

Анализируя взаимодействие «комплексно», можно предположить один генетически, подсознательно значимый прагматический момент. Такие этноконфессиональные «собрания», «скопища» выполняли функцию своего рода «случек», совокуплений и спариваний с подспудной целью воспроизводства генетически здорового «смешанного» потомства. Как огромные стаи птиц слетаются в определенное время и в определенных местах для воспроизведения детенышей, как таежные звери, устраивая поединки самцов, спариваются для зачатия максимально здорового приплода, так и для человека подобные скопища в чем-то были местами ритуальных совокуплений. Трудно судить, насколько открыто это делалось, но в танцах аборигенов Азии до сих пор не так уж редки элементы телодвижений,

имитирующие половые акты.

В этом же плане стоит рассмотреть имеющуюся у многих народов традицию знания своей родословной до седьмого – девятого поколения. Она, несомненно, олицетворяет благородные тенденции памяти о предках. Но одновременно у народов существуют мнения о вредности браков между потомками одного рода (порой и племени) и о полезности кровосмешения. Красота и некоторые особенности «метисных» индивидов несомненно бросались в глаза, точно также как уродство длительное время «несмешивающихся» изолированных на локальных территориях родовичей. Путешествующие в 17-19 веках по Сибири «туристы» и деловые люди нередко вспоминали случаи, когда аборигены «подкладывали» в постель молодых представительниц своего рода с явной надеждой на будущее «обновление крови». И подобная практика явно имела давние истоки, возможно и в подобного рода мероприятиях. «Свежую кровь» в роды надо было вливать, и этноконфессиональные сходки наилучшим образом способствовали этому. Религиозная, ориентированная на гармонию микро- и макрокосма подоплека данных мероприятий с включением в них ритуальных песнопений и танцев вкупе с их прохождением в благоприятных по энергетике и красивых по виду природных местах – все это каким-то образом влияло на улучшение качества потомства. В какой степени осознанно или бессознательно действовали в данном направлении именно в то время различные этнические группы, за данностью времени и отсутствием «живых» подтверждений сегодня весьма трудно судить. Успешными организаторами и «регулирующими», по-видимому, часто были шаманы, и в этих делах их авторитет был непререкаем. Несомненно то, что роды и племена, их вожди и шаманы, наглядно убедившиеся в пользе таких мероприятий и научившиеся целенаправленно в определенные времена «организовывать» их, получили мощные возможности для самосовершенствования как отдельных представителей родов, так и их в целом.

В таких мероприятиях, возможно, был еще один интересный нюанс, о котором можно судить, опираясь на древнерусский источник.

В «Повести временных лет» (начало XII в.) автор описывает происходившие в то время «игрища между селу», когда «схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовная игрища, иму умыкаху жены себе, с нею же кто съевещашеся». Последнее слово, скорее всего, означало «сговор» между будущими супругами и возможности такого добровольного и демократического

брачного единения во многом предопределяли сущность подобных сходов. Вполне вероятно, что межэтнический характер сходов аборигенов Сибири также позволял «сговариваться» молодым людям из разных этнических групп, и это в конце концов было в интересах разных родов.

Скорее всего, с задачами улучшения потомства и «генетического» разнообразия детей была связана и практика многоженства, существовавшая у некоторых сибирских народов (см. , с.42). Это был целенаправленный и регулируемый «механизм», поскольку потомки от высокопродуктивного и «качественного производителя» многоженца по своим генетическим характеристикам отличались в лучшую сторону. Причем в реальной роли многоженца обычно выступал человек состоятельный и, отсюда, высокостатусный.

О том, что регулирование таких «процессов» осуществлялось обдуманно (пусть и на заключительных этапах родового и племенного развития) говорят современные традиции бурят. Они знают своих предков обычно по девятое колено, а родство ведут по 7-му. Между тем данный обычай не в равной степени затрагивал «кровников» в связи с их отнесенностью: круг их по мужской линии определялся до 7-го колена, а по материнской линии только до 2-го поколения. Родственниками порой не считались потомки родной сестры. Браки при подобном родстве жестко не регламентировались. Таким образом, «генетика» по мужской линии ценилась и регламентировалась больше, поскольку, по-видимому, в большей степени влияла на качество потомства. Спаривание с «дальним» партнером было выгодней, не говоря уже о ценности браков представителями иных родов и этносов. Выгодно было в плане контактов и наличие своих «кровинок» в нужных племенах. В целом такое межэтническое взаимодействие в те времена являлось мощным стимулом прогресса малозаселенных сибирско-азиатских просторов.

Сакральные обряды были связаны не только с поклонением высшим божествам и, отчасти, демографическими задачами. Они зачастую не были отделены от целей хозяйственной деятельности людей. Так, обычай отдавать дань огню кусочками печени, мяса, жира, который существует у многих сибирских аборигенов, в мировой практике известен как жертвоприношение духам с просьбой о «помощи отыскивать пищу». Подоплека здесь вполне понятная: мы делимся с вами пищей сейчас, и будем делиться всегда, поэтому способствуйте нашим добычам. Впоследствии такого рода жертвоприношения стали сопровождать и другие сфе-

ры хозяйствования: скотоводство, земледелие, рыбалку и т.д.

В Азиатской Сибири принято отдавать дань и преподносить дары божествам и духам в специальных обрядовых местах: у камней, у деревьев, на оборудованных в данных целях пунктах. Все эти места в большинстве случаев у сибирских народов или называются ОБО (О) или являются их символами. Что касается самого обо(о), то у данной реалии многочисленное содержание. Так, в одном из словарей даются следующие толкования:

- 1) пограничный знак в виде кучи камней;
- 2) указатель дорог, сложенный из камней, земли или веток;
- 3) священное скопище камней на выдающихся местах – вершинах гор, буграх, холмах, перевалах, созданное человеком в знак поклонения духам гор, природы;
- 4) древний анимистический обычай многих народов Азии, сохранившийся в настоящее время.

Соответствующие трактовки и близкие транскрипции наблюдаются, кроме бурят и монголов, у других народов Сибири:

- хакасы: оба – «насыпь», «курган», «холм», «груда священных камней»;
- тувинцы: ова – «жертвенный курган», «груда камней», «насыпь»;
- шорцы: ома – «жертвенная куча камней на вершине холма, горы»;
- манчжуры: обо – «холм», «сопка».

Возможность искусственного создания «обо» и его роль в качестве анимистического обычая способствовали возвращению соответствующих традиций после «советских» запретов. Эту практику особо ценят шаманы. «Обо» обычно устанавливается на возвышенности, что символизирует связь с небом. При этом сооружается ритуальный холмик из груды камней, и развешиваются ленточки – полоски (хии-морин: атрибут поклонения). Обо как сооружение в виде каменной пирамиды, увенчанное деревом или его ветвями, посвящался духам местности. Здесь следует отметить, что культ «обо» ныне известен повсеместно у ряда сибирских народов. «Обо тахил» у бурят – это коллективные общественные молебствования на «обо» – святилищах под открытым небом в виде кучи камней на возвышенных местах, воздвигнутых в честь духов – покровителей местности. Таким молебном руководят шаманы, а иногда ламы – монахи».

Данное понятие и обряды, связанные с ним, освоили и сибирские русские. Так, у семейских (старообрядцев) Забайкалья, которые, кстати, как считали некоторые ученые, не были этнически и религиозно толерантными, в их словаре говоров есть слово «обон» (абон) и следующие его народные пояснения. «Абон – место такое, где надо богу помолиться. Там камней кучка, березы все в ленточках стоят. Настоящие абоны в горах, туда только по праздникам ездят, а эти небольшие тоже абонами зовут». «На абоне мы машину останавливаем, выходим и брызгаем (водкой). Это от бурят научились. Хоть у них свой Бог, а у нас свой, мы почитаем эти места».

Автор данных строк по духу своему прагматик. И он уверен, что обоо, как груда камней, имело в свое время не только символическое, но и практическое значение. Древние люди прежде всего в чем-то видели реальную пользу, и лишь затем наполняли данное явление сакраментальным и (или) мистическим смыслом. В хозяйственно-психологическом плане истоками формирования «малого» обоо могли быть утилитарные наблюдения и обобщения:

- горы дают воды в виде рек, речек, ручьев и различных источников (последние могут быть весьма полезными для здоровья);
- с горы, сопки, кургана и даже насыпи окружающее видится лучше, «горизонты» расширяются;
- под большой нагроможденной природой или человеком грудой камней в летнее время собирается по утрам вода в виде конденсата, образующегося из паров окружающей атмосферы.

Последнее свойство обоо – конденсатора – было особо значимо для жителей обширных азиатских степей, которым порой приходилось осуществлять длительные переходы и переезды по практически безводным местностям. И именно это прагматическое обстоятельство обуславливало «освящение» таких мест. Таким образом, обоо делали сакральными, высокочтимыми и место, и воду, и ритуал преподношения даров. По-видимому, сооружение обоо и воздание богам жертв возле него в свое время стало ритуалом «вымаливания» у высших сил дождя и других благодатей, а также просьбы отвести беду. Так, у тункинских бурят есть обычай, когда каждый член рода приносит на поляну камень, из них складывается небольшой курган, возле которого приносятся в жертву бараны.

С такой же сакральной позиции можно взглянуть на насыпание курганов над могилами умерших. Такой обычай был очень распространен в азиатских степных

просторах. Если рассмотреть этот обычай как прагматическое действие, то данное погребение позволяло обеспечить покойника не только одеждой, пищей, орудиями (они зарывались), но и водой, которая будет скапливаться в основании кургана. С другой стороны, курган – обоо – сохранял все другие функции, важные для умершего: позволял ему видеть дальше, приближая его к небу и божествам, позволял потомкам непосредственно обращаться к ставшему сакральным предку. Нельзя не задуматься об обо особенно в степи, как о своего рода географических ориентирах на местности. Люди, не имеющие компасов и направляющие свой путь по солнцу и более бросающимся в глаза приметам. Курган (и) обо, сооруженные самими членами рода или даже предками, при передвижении подтверждал правильность выбранной дороги и одновременно благословлял на ее продолжение. Если по данному маршруту давно не продвигались, то курган, сооруженный предками, становился вехой их памяти и символом одобрения путей потомков. Здесь можно также вспомнить, что на территории Древней Греции существовал специальный ритуал изготовления герм (гермес – груды камней, памятный столб), которые устанавливались на дорогах для указания расстояний и представляли собой каменные стелы с выраженным мужским началом. Ко многим таким кучам путники клали немного еды для бога. Отсюда и богом – покровителем путешественников был избран Гермес.

Рассматривая священные обряды и атрибуты аборигенов Сибири, никак нельзя обойти вниманием их некоторые фетиши. Если вспомнить, что фетиш – это прежде всего предмет по своим свойствам вызывающий поклонение, то таковым в мире народов Сибири было немало. По большому счету фетиши сибирских этносов отвечали известному их противопоставлению О. Конта с функциями богов: одушевленный фетиш управляет только одним предметом, между тем, как боги управляют целым рядом явлений одновременно. Так, фетиши в виде предметов и рисунков у бурят назывались онгонами. Онгон – изображение на камнях и скалах на ткани, резные деревянные фигурки людей, птиц, зверей, маски разных существ, шкурки животных, а иногда определенные комбинации из двух или более названных предметов. Например, достаточно распространен онгон из деревянной маски шамана, вмонтированной на вязках в круг из прута. И внутренняя и внешняя часть онгона украшена в то же время лоскутами из шкурки животных.

Онгоны по своей сути представляют духовные реалии двух основных типов. С одной стороны, – это

образы «хозяев» различных природных явлений и территорий. Это могут быть духи гор, рек, озер, конкретных лесных массивов. У аборигенов, живущих около Байкала, многие онгоны так или иначе отражали его образ. С другой стороны, немалое количество онгонов представляли души предков рода и племени, т.е. когда-то известных и легендарных людей.

Как и любые фетишные предметы у других народов онгоны у аборигенных народов Сибири выполняли и выполняют различные функции:

- указатели мест и одновременно сакральных существ, к которым можно обратиться по значимым для человека нуждам;
- культовые предметы для совершения обрядов;
- обереги от разного рода злых духов и «стимулы» преодоления страха из-за таинственных существ;
- напоминания об известных только представителям рода и племени легендарных и знаменательных событиях, о генетической родословной и т.п.;
- существа, у которых можно вымаливать и выпрашивать здоровье для себя и близких.

В качестве примера можно привести древние наскальные рисунки в бухте Ая в юго-западной части Байкала. Археологи датируют рисунки первым тысячелетием до новой эры. На них изображены человеческие фигуры, олени, бык, рыба и овца. У бурят существует мнение, что это общественные онгоны, которым поклонялись во время облавной охоты. Считается, что они представляют собой «Сатинских богов» – особых, добрых существ.

Онгоны, связанные с родными местами и предками, были особо чтимы, поскольку являлись символами гармоничного единства человека с природой и социальным окружением. Для индивида такой предмет был частичкой души, утрата которого, его повреждение или «нисвержение» были неприятны и подрывали равновесие внутреннего мира. Уничтожение онгонов по большому счету приравнивалось разрыву исторической памяти о предках. Передача некоторых особо важных онгонов от деда к отцу и сыну была равноценной передаче святых реликвий.

Рассуждения о религиозной подоплеке некоторых общих для сибирских аборигенов священных обрядов, феноменов и традиций можно продолжить на основе других примеров, что мы и сделаем, рассматривая особенности и ритуалы народов Байкальского региона. Но сразу стоит сказать, что в истории здешних мест много непознанного. Например, при раскопках в могилах

возле Байкала находили кости без черепов. Одновременно обнаруживалось много древних могил, которые почему-то были пустыми. Присутствовали все признаки могилы: погребальные предметы, сопровождающий ушедшего в мир иной охотничий или рыболовный инвентарь, а сам покойный, увы, отсутствовал. Ученые предполагают, что, возможно, это были могилы утопших: обряд требовал, чтобы похороны состоялись. Можно предположить и другое: у древних людей того времени существовали добровольные жертвы уже тогда славившемуся своим жестким характером Байкалу и его божествам с целью их умилостивить, добиться от них покровительства не только сегодня живущих, но и потомков. А на земле на «добрую память» оставались могилы таких добровольцев, самостоятельно ушедших в вечность, безропотно отдавших свою жизнь святому старцу, любящему жертвы. Вполне мог существовать своеобразный ритуал: где и как это делалось и какие люди больше подходили для данной церемонии.

Обобщая наиболее значимые тенденции в анализе взаимосвязи таких феноменов, как «природа и ее ландшафты», «религия», этноконфессиональное взаимодействие, можно уверенно говорить об их органичной взаимозависимости и отсутствии особых противоречий и несоответствий на определенных территориях. Люди и этносы «на своих местах» выступали в гармонии с природой и божествами, олицетворяющими духовную сущность микро- и макрокосма. Оставаясь в этом близкими по духу, они в то же время хорошо иллюстрировали известную истину о бесконечной роскоши различий.

Литература

1. Бурятские летописи // Тобоев Т., Юмсунов В., Ломбоцыренов Д.Ж. и др. – Улан-Удэ, 1995. – 198с.
2. Гомбоев С.Ж. Под вечным синим небом. Шаманизм. Святая неугасимая вера. – Улан-Удэ: н-л, 2010.
3. Карнышев А.Д. Байкал таинственный, многоликий и разноязыкий. – Иркутск: БГУЭП, 2007. – 551с.
4. Карнышев А.Д. Межэтническое взаимодействие в Бурятии: социальная психология, история, политика. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1997. – 184с.
5. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Человек и этнос на своей земле (экономика и психология самобытности и сотрудничества народов Байкальской Сибири). – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2011. – 348с.
6. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Этнокультурные традиции и инновации в экономической психологии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 480с.
7. Тайлор Э. Миф и обряд в первобытной культуре. – Смоленск: Русич, 2000. – 624с.
8. Тучков А.Г. Народы Сибири: История и традиционная культура. – Томск: «Ветер», 2008..
9. Ушницкий В.В. Бома-Алаты и Саха (Об этнической принадлежности курумчинской культуры // Известия Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Выпуск 5. – Иркутск, 2006. – с.173-182.
10. Экономическая этнопсихология: от теории к практике. Коллективная монография / Ред. А.Д.Карнышев. – Иркутск: БГУЭП, 2006. – 223с.